

КОММЮНОТАРНОСТЬ: «ОБЩЕЕ ДЕЛО» В ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ответственный редактор информационного бюллетеня «Самопознание»

Вспоминая в философской автобиографии¹ о культурном ренессансе, о религиозных исканиях интеллигенции начала века, Н. А. Бердяев отметил, что в это время «был открыт», среди прочих, и основоположник «общего дела» Николай Федорович Федоров, оказавшийся ему по некоторым воззрениям очень близким. Знакомство с его учением состоялось в 1910 г. благодаря беседам с Владимиром Кожевниковым, а 16 июля 1911 г. тот оповестил Николая Петерсона, что Бердяев намерен даже написать книгу об их учителе.

Примечательно, что Николай Александрович готов был взяться за это дело, довольствуясь лишь общими разъяснениями Кожевникова о различных сторонах учения Федорова, еще не ознакомившись с основными текстами, чтобы получить детальное представление о «воскрешении мертвых», «регуляции природы», «новой Пасхе», «синтезе двух разумов», «супраморализме», «психократии» и прочем. Нетерпение Бердяева объясняется тем, что в книгоиздательстве «Путь», финансируемом покровительницей философов Маргаритой Кирилловной Морозовой, задумали биографическую серию «Русские мыслители», и основатель своеобразного учения «общее дело» показался ему подходящей для этой серии фигурой.

Однако пыл Бердяева попытались остудить его коллеги, что видно, в частности, из письма

¹Черновик ее под названием «Философская автобиография» писался в 1939–1940 гг., а книга вышла в парижском издательстве YMCA-Press в 1949 г., уже после смерти автора.

Московское издательство «Путь», поддерживаемое меценаткой М. К. Морозовой, занималось выпуском религиозно-философской литературы (нагало свою работу в феврале — марте 1910 года). здесь увидели свет работы Владимира Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна, П. А. Флоренского. М. О. Гершензон выпустил в нём сочинения П. Я. Чаадаева и И. В. Киреевского. Здесь же печатались работы В. Ф. Одоевского, С. И. Щукина, А. С. Глинки, С. Н. Дурылина. Первой книгой, выпущенной издательством, стал сборник статей «О Владимире Соловьеве».

Сергея Булгакова Владимиру Эрну от 11 января 1912 г., где он, упоминая об отъезде Бердяева в Италию, сообщает следующее: «Создалось очень трудное положение относительно Николая Александровича. <...> Уже не говоря о том, что он решил писать монографию о Федорове, захватив с собой в качестве орудия производства лишь первый том «Философии общего дела», причем, когда я написал ему, что по отзыву Кожевникова, до выхода второго тома, время которого совершенно неизвестно, монографии писать нельзя, он написал мне полное упреков, даже угроз, до крайности огорчившее меня письмо»².

²Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 433.

Федоров Николай Федорович (1829–1903) —

религиозный мыслитель, создатель утопической системы. Взгляды представляют собой оригинальный подход к решению традиционных проблем русской философии, основанный на идее поиска глубинных причин зла и разработки проекта его преодоления. Человечество в перспективе должно научиться управлять не только движением Земли, ее атмосферными явлениями, но и Солнечной системой, Вселенной. Российскому государству Федоров отводит важную роль в осуществлении общего дела, т.к. оно имеет необходимые для этого задатки — родовой, земледельческий быт, налгие общины, географическое положение. Философская система Федорова впервые была изложена и отредактирована Кожевниковым и Петерсоном, издана в 2-х т. (Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913) после смерти мыслителя под названием «Философия общего дела».

Три философа (Федоров Н.Ф., Соловьев В.С. и Толстой Л.Н.).
Рис. Пастернак Л.О.

Вместо монографии Булгаков предложил Бердяеву написать об основоположнике «общего дела» статью для сборника по русской философии, в который должны были войти работы о И.В. Киреевском, П.Я. Чаадаеве и др. Однако данный проект не осуществился, а Бердяев разорвал отношения с «путейцами». Но статью о Федорове он все же написал, только опубликовал ее уже в Петербурге, в журнале «Русская мысль», возглавляемом Петром Бернгардовичем Струве³.

К этому времени в Москве появился уже и второй том сочинений Федорова (первый вышел в 1906 г. в городе Верный), здесь же Н.П. Петерсон чуть ранее издал свое сочинение «Н.Ф. Федоров и его книга “Философия общего дела” в противоположность учению Льва Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени». А в Одессе в 1914 г. отпечатали первый выпуск сборника «Вселенское дело», подготовленный стараниями И.П. Брихничева и А.К. Горского к десятилетию со дня смерти основателя учения.

Отклик Бердяева на изложение идей «общего дела» был опубликован, как может показаться, не в самое удачное время — шла Первая мировая война. Однако именно вооруженное противостояние России с рядом европейских государств обратило внимание наших интеллектуалов на творческое наследие Отечества как ценный резерв для укрепления народного духа. И среди представителей этого стратегически важного наследия — автор

«общего дела» Николай Федорович Федоров, который для Бердяева — «гениальный самородок, оригинал и чудаки», «характерно русский человек, русский искатель всеобщего спасения, знающий способ спасти весь мир и всех людей». И хотя в России имелось немало таких людей, но именно в лице Федорова этот тип нашел свое гениальное воплощение, выразив характерную черту нашего духа — «искать всеобщего спасения, нести в себе ответственность за всех»⁴.

Учение Федорова видится Бердяеву последней попыткой построения патриархально-родственной общности, но при этом затеей более радикальной и последовательной, чем у славянофилов⁵, которые в своих умопостроениях не доходили до идеализации самодержавия, в то время как Федоров обосновывает его не национально-исторически, а выводит из родственной природы Божественной Троицы, из своей религии рода и культа предков. Так что, русский самодержец представляется Федорову управителем и регулятором всей природы, душеприказчиком всех умерших предков, отцом, воспитывающим человечество для совершеннолетия, распространяющим свою власть на небесные пространства и явления метеорологические.

Но эта своеобразная «философия самодержавия», полагает Бердяев, всего лишь проекция, и как ментальный проект федоровское самодержавие

³ Бердяев Н.А. Религия воскресения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Русская мысль. 1915. Июль. С. 76–120.

⁴ Типы религиозной мысли в России / Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. III. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 244.

⁵ Напомню, что к этому времени в издательстве «Путь» уже была опубликована работа Бердяева «А.С. Хомяков» (1912).

не имеет ничего общего с тем, чем самодержавие было и есть: воскрешающей силы оно никогда не обнаруживало, жило и действовало по закону мира сего, а не по духу Христову. Также Бердяев указывает, что основные возражения учение Федорова вызывает не воскресением мертвых, в которое всегда верили христиане, а воскрешением — тем, как оно делается. Но при всех замечаниях по проекту «общего дела», для Бердяева Федоров является характерно русским мыслителем, выразителем коллективной печали о горе, страдании и смерти, исканий всемирного спасения.

Также следует отметить статью Бердяева «Пророчества Н. Ф. Федорова о войне»⁶, где он использует вошедшие во II том «Философии общего дела» статьи и заметки Федорова 1898–1899 гг.: «Черный Пророк и Черный Царь (Философ милитаризма и враг мира)», «Священно-научный милитаризм», «Союз двух Британий (К вопросу об умиротворении)», «Задача конференции мира». В своей статье Бердяев показывает своеобразие мышления Федорова, у которого «утопизм и фантазерство» сочетаются с «положительным реализмом и пророческими прозрениями», и что, несмотря на свой «безумный утопизм», он оказался прозорливее многих «трезвых людей». И именно обращение к проекту Федорова позволяет выявить основные установки сознания воюющих стран, в частности, России и Германии. В России давно уже прозвучал призыв к всемирному единению людей для общего дела, к регуляции всех стихийных сил природы, всего космоса для всеобщего воскрешения, проявила себя русская воля к спасению всех, живущих и умерших, к оживлению всего. С другой стороны, проявила себя германская воля к могуществу и власти над миром, воля к войне и насилию. В призыве Федорова к силе и активности, спасающей слабых и погибающих, сказывается глубокое отличие духа славянской расы от духа расы германской. Лишь первой — духу славянской расы — чужда воинственная воля к власти над миром, ей свойственна воля к всемирному соединению человечества, к всеобщему спасению, и теперь более, чем когда-либо, русские должны противопоставлять свои духовные богатства духу германизма, для чего Бердяев и считает нужным напомнить соотечественникам об учении Н. Ф. Федорова — «Общее Дело».

* * *

В следующий раз личность Федорова и его учение оказываются в центре внимания Бердяева уже в эмиграции, после вынужденного изгнания из страны Советов. При этом здесь следует от-

Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) — философ и экономист. В 1923–1925 гг. в Москве совместно с А. К. Горским и В. Н. Муравьевым он занимается вопросами научной организации труда (НОТ), рассматривая геловегетический труд как мироустроительную деятельность, противостоящую энтропии, выдвигая в качестве конечной цели организованной, коллективной работы регуляцию природы, планетарно-космическое преобразование. Проблемы активного, миропреобразующего христианства поднимаются в совместной работе с Горским — «Смертобожничество» (Харбин, 1926).

метить, что сам Бердяев с юных лет вынашивал грандиозные планы по спасению человечества. Начиная с малого, с облегчения участи сограждан, в итоге в 1897 г. был арестован за участие в студенческих беспорядках, отчислен из университета и сослан в Вологду, после чего отошел от марксизма, но не расстался с революционным движением и в 1903–1904 гг. принимал участие в организации Союза освобождения. Содействуя избавлению от «гнета царизма», как и многие представители радикальной интеллигенции, Бердяев оказался среди противников и новой власти, которая, хотя и осуществила мечту радикалов, но всё же не отвечала их духовным исканиям. В итоге — изгнание за пределы Советской России, перемещение по Европе с последующей остановкой во Франции. Здесь практически все его тексты развивают идеи, прежде уже сформировавшиеся в России, разве что чаще разбирается такое явление, как коммунизм, с его обещанием радикального преобразования человечества.

Но если коммунисты могли с удовлетворением показать оппонентам, что их теория, извлеченная из учения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, уже радикально преобразует действительность, становится повседневной практикой, то сторонники «общего дела» всё еще не смогли сделать достоянием общественности все сочинения своего глубоко почитаемого учителя.

Когда Николай Сетницкий взялся за публикацию III тома сочинений Федорова, то летом 1927 г. он направил часть фрагментов в редакцию возглавляемого Бердяевым и Вышеславцевым журнала «Путь» с предложением опубликовать их на следующий юбилейный год (к 100-летию — как тогда считалось — со дня рождения основателя учения). В конце концов, в «Пути» появились публикации материалов из III тома «Философии

⁶ Биржевые ведомости. 1915. № 15027. 15 августа.

Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) — культуролог, философ, музыковед, один из основателей и активных участников евразийства. В 1921 г. принял участие в издании первого евразийского сб. «Исход к Востоку» (ст. «Сила слабых» и «Эпохи веры»). В 1926–1928 гг. совместно с Д. П. Святополк-Мирским и С. Я. Эфроном издавал журн. «Вёрсты».

Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) — русский философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор. Принимал участие в евразийских изданиях; после 1929 прекратил сотрудничество с евразийцами, обвинив их руководство в лояльности к большевизму.

общего дела»⁷, и в том же 1928 г. Бердяев поместил в журнале свою статью «Три юбилея (Л. Толстой, Г. Ибсен, Н. Ф. Федоров)». В ней он дал краткий очерк идей мыслителя, активного воскресителя из мертвых, отметив значение «общего дела» для русской культуры, снова представив Федорова как «русского из русских», благодаря которому иностранцу легко можно изучить своеобразие нашей мысли и наших исканий. В учении Федорова, подчеркивает он, содержится не только призыв к всеобщему труду (чем грешат оторвавшиеся от реалий ученые, отделившие мышление от жизни, а также интеллигенция, отпавшая от народа), но представлена философия, которая проективна и активна и потому не пассивно отражает мир, а показывает, как его преобразовывать и улучшать⁸. Но подчеркнув высоту «нравственной идеи» Федорова, выделив богословские мотивы и объяснив ими пафос преобразовательной активности, Бердяев всё же снова упрекнул мыслителя в натурализме, нечувствии «тайны смерти» и преувеличении роли технических средств в деле преображения мира.

Тем временем, по всем направлениям развивали свое «дело» и евразийцы, привлекая на свою сторону (среди прочих мыслителей), причисляя к своим союзникам и Федорова. Петр Сувчинский, вступив в 1927 г. в переписку с Н. А. Сетницким, получил от него для «Верст» подборку материалов из III тома «Философии общего дела», вследствие чего на следующий год в альманахе была опубликована «Переписка Н. Ф. Федоро-

7 Из третьего тома «Философии общего дела» // Путь. 1928. № 10. С. 3–42; Из посмертных рукописей Н. Ф. Федорова // Путь. 1929. № 18. С. 3–24; Что такое добро? // Путь. 1933. № 40. С. 3–15.

8 Бердяев Н. А. Три юбилея (Л. Толстой, Г. Ибсен, Н. Ф. Федоров) // Н. Ф. Федоров: PRO ET CONTRA. СПб.: РХГИ, 2008. С. 629.

ва с В. А. Кожевниковым о Туркестане». В тех же «Верстах» была напечатана и уже вышедшая в свет в другом месте работа Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова». А в 1928 г. в X-м выпуске «Евразийской хроники» появляется небольшая заметка о Федорове за подписью «А. С. Адлер», где отмечалось, среди прочего, что в «Философии Общего Дела даны абсолютные основания зарождающейся в происходящей на наших глазах исторической мутации культурного типа России-Евразии новой идеократической культуры»⁹.

Следует отметить, что еще в первом выпуске сборника «Вселенское дело» (1914), во вступлении, где излагалось кредо учения Федорова, искусственный читатель мог легко заметить созвучие с девизом Маркса и Энгельса, провозгласивших в «Манифесте коммунистической партии» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вот и составители сборника, следующие духу учения Федорова, обратились с призывом к еще более широкой аудитории: «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений — соединяйтесь!»¹⁰.

В дальнейшем вовлечение «общего дела» в евразийскую идеологию привело к тому, что левое крыло еще более акцентировало сопоставление Федорова с Марксом, который в своих «Тезисах о Фейербахе» заявил о том, что «философы до сих пор только разными способами истолковывали мир, но дело в том, чтобы его переделать». И тотчас же евразийцы отметили, что это же самое мог бы сказать и автор «общего дела», что всецело ими и принимается¹¹. Также следует указать и на публичное собрание 10 декабря 1929 г., состоявшееся в Париже, где Владимир Николаевич Ильин выступил в Музее Гимэ с докладом «Карл Маркс, Федоров и евразийство», а в последующих прениях принял участие и Бердяев¹².

К евразийцам Бердяев не примкнул, равно как и не стал ортодоксальным «федоровцем», но упоминания о философе «всеобщего дела» то и дело встречаются в его статьях и книгах, начиная от «Философии неравенства», «Смысла истории», «О назначении человека» вплоть до «Опыта эсхатологической метафизики», «Экзистенциальной диалектики божественного и человеческого»

9 Адлер А. С. Н. Ф. Федоров (1828–1928) // Евразийская хроника. Вып. X. Париж, 1928. С. 101.

10 Вселенское дело. Памяти Николая Федоровича Федорова. Выпуск 1. Одесса, 1914. С. VIII.

11 Путь евразийства // Евразия. 1929. № 8. 12 января.

12 Более подробно о рецепции Федорова евразийцами см.: «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 320–374.

Кабинет Бердяева

и «Русской идеи». При этом следует отметить, что Бердяев с неохотой примыкал к чужим «проектам», ища свое дело, идя везде своим путем, следуя лишь своим сердечным интуициям и интеллектуальным фантазиям. В итоге путь его всегда был извилист, отражал все метания духа и интеллектуальные отклики на запросы времени, лишенного покоя. И в завершение этого пути появляется новый термин — «коммунотарность», — отражающий его представления о свойствах российской души и о том деле, которым нам, вследствие этого обстоятельства, следует решительно заниматься, без оглядки на других.

В 1944 г. Бердяев внес правку в свою давнюю статью «Религия воскрешения», поскольку решил издать на французском языке сборник, посвященный религиозной мысли России и Европы. И хотя издание не состоялось, зато благодаря этому замыслу

готовится еще одна статья — «Личность и общинность (коммунотарность) в русском сознании»¹³.

Здесь заявляется, что русским в большей степени, чем другим народам, свойственен универсализм, и потому «русская идея» непременно подразумевает объединение Востока и Запада, двух потоков мировой истории. Это состояние русского духа, установка нашего коллективного сознания

сохраняется и в коммунизме, потому всемирная роль советской России, в прежней ипостаси, до-революционной, спасшей Европу от татарского нашествия, а ныне — от нашествия гитлеровской Германии, — связана, прежде всего, с социальным переустройством всего мира. Но это будет духовное христианское возрождение, «объединяющее принцип личности и принцип коммунотарности», что может открыть путь к преодолению грозящей миру безличности и бесчеловечности.

Эти же идеи звучат на разный лад и в его «Русской идее», опубликованной в Париже в 1946 г., где среди прочего заявляется, что «русская идея» подразумевает доведение до сознания необходимости убеждения, что спасение возможно лишь коммунотарно, а не индивидуально, только когда все ответственные за всех. Но коммунотарность не следует путать

с коллективизмом, где также «все ответственные за всех», только исходя из идеологических, политических начал, приводящих в итоге к неравенству и авторитаризму.

В сочинении Бердяева «Царство духа и царство кесаря» имеется отдельная глава (VII) — «Коммунотарность, коллективизм и соборность», где задаются духовные ориентиры, определяются формы правильного сообщества, над которыми всем и следует работать, если имеется желание жить так,

**«ОБЩИМ ДЕЛОМ» ДЛЯ
БЕРДЯЕВА ЯВЛЯЕТСЯ
КОММУНОТАРНОСТЬ
С ЕЁ СРЕДОТОЧИЕМ НА
БОГЕ И ПРИЗНАНИЕМ
ЦЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ,
А НЕ СООБЩЕСТВА**

¹³ При жизни не опубликована. См.: Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996.

чтобы спастись в вечности. Тем, кто следует принципам коммунизма, прежде всего, нужно избавляться от коллективизма, поскольку в нем, как типе общения и соединения, утверждается разрушающая личность авторитарность. Коллективизм не может не быть авторитарным, и он не может допустить свободы в общении. Но в то время как коллективизм (не только российский, советский, но и западный, буржуазный) означает отношение человека к человеку через его отношение к обществу как коллективной реальности, располагающейся над человеком, коммунистичность признаёт лишь непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как единственно верное начало жизни, данное ему не извне, а изнутри, не через идеологию, а через особое состояние духа, формируемое религией и философией.

Так что, «общим делом» для Бердяева является не коммунизм с его культом коллективизма, но коммунистичность с её средоточием на Боге и признанием ценностью личности, а не сообщества. По своим целям это «дело» Бердяева — сугубо христианское, философия же выступает как средство прояснения сознания, обращения взора человека в нужном направлении.

Но такое «общее дело» было, скорее, проектом исключительно для одного Бердяева, чей Бог витал между Ветхим и Новым Заветом, а дух метался между рациональностью и воображением.

Мало кто пожелал бы следовать призывам мыслителя, которого смерть любимого кота Мури опечалила больше, чем уход из жизни современников и даже близких людей.

Бердяев был большей частью далек от академической философии, поскольку он был не столько мыслителем, сколько оракулом, не столько ученым исследователем, сколько испытателем состояний духа. Для своих пророчеств он часто использовал материал по принципу *ad hoc* («к этому, для данного случая, для этой цели»). Назначение оракулов с древнейших времен заключалось в том, чтобы служить современникам посредниками, медиаторами между «мирами», быть представителями «неба» на «земле», через которых можно напрямую обратиться к высшему существу, задать вопросы относительно смысла настоящего и очертаний будущего. Бердяев, большей частью, пророчествовал в своих сочинениях, и каждый найдет у него удовлетворяющий ответ на свой вопрос.

Но способны ли собраться в одном месте все, вопрошавшие Бердяева, прочитавшие его книги, — для решения коллективной проблемы, осуществления общего дела? Такого пока еще не было, да и вряд ли будет. Однако для подготовки сообщества к совершению «общего дела» само умонастроение Бердяева, безусловно, может оказаться полезным. Главное — определиться, что для нас является действительно «общим делом».